

ную силу и их духовные достижения. Он любит в них духовность их национального характера, хотя национальный характер их духа может быть ему чужд. И эта любовь к чужому духу и его достижениям совсем не мешает ему любить свою родину» [1, с. 310-311]. Ильин, таким образом, утверждает, что нет ни одного народа, который был бы единственным средоточием духа, т.к. дух живет во всех людях и во всех народах. Кто этого не замечает, тот духовно слеп, а, следовательно, лишен и патриотизма, и правосознания.

В качестве заключения приведем высказывание Ильина, в котором, как нам представляется, раскрыто главное религиозно-метафизическое основание патриотизма: «Мой путь к духу – есть путь моей родины; ее восхождение к Богу – есть мое восхождение. Ибо я тождественен с нею и неотрывен от нее в обращении к Божеству» [1, с. 307-308].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И. Общее учение о праве и государстве. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 510 с.

Н. А. СКОРОБОГАЦКАЯ

Екатеринбург, УрФУ

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЭТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу моральной ситуации, сложившейся в современном российском обществе. Данная ситуация рассматривается как переходная, возникшая в результате пересечения общекультурных и локально-исторических факторов.

Ключевые слова: «новое варварство», моральный дискурс, автономия индивида, гетерономный и автономный характер морали, культурный хронотон.

N. SKOROBOGATSKAJA

MODERN HOMO IN ETHIC PERSPEKTIVE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the moral situation in modern Russian society. This situation is considered as a transitional and appears as result of general cultural and locally historical factors crossing.

Keywords: «new barbarism», moral discourse, individual autonomy, heteronomic and autonomic ethics, culture chronotope.

Моральное состояние человека в современном российском обществе можно охарактеризовать как переходное. Кризисные явления, охватившие семью, межличностные отношения, отношения между государством и обществом, между поколениями; непривычно высокий уровень преступности; падение производительности труда, в котором элиминировано духовное измерение, а мотивация работника сведена исключительно к размеру оплаты и индексу социальной престижности – это и многое другое свидетельствует о том, что в духовной сфере общества доминируют материальные факторы. Эта тенденция к «материализации» человека напрямую сказывается в переменах качества и места в обществе таких фундаментальных областей, как культура, образование, здравоохранение, искусство и наука. Впору уже говорить о деградации гуманитарного начала в жизни общества и своеобразном одичании человека. В этом можно видеть эффект «нового варварства», который возникает в ситуациях элементарного выживания общества, когда формула существования сводится к биосоциальной дилемме – «быть или не быть». Социологические замеры общественного сознания молодежи – того поколения, с которым связан потенциал ближайшего будущего нашего общества, – показывают, что речь может идти не о развитии, а лишь о репродукции. «...Часто звучит мнение, что «мы не живем, а выживаем» и что «страна богатая, народ бедный»: «Это не жалоба на то, что мы живем не так, как хотелось бы – тут более серьезный смысл. Это оказывается не жизнь в полном виде, а существование» [4]. В подобных ситуациях культурные ценности становятся обузой, балластом, который сбрасывают за борт [2, с. 8]. С нашей точки зрения, в данном пункте пересекаются сразу несколько проблемных линий. Во-первых, деградация гуманитарного начала ставит под знак вопроса перспективы России в современном мире, поскольку именно эти области «отвечают» не просто за воспроизводство человека и условий его жизни, а за формирование человеческого капитала – важнейшего фактора успешного продвижения обществ в глобализованном мире [3, с.115]. Во-вторых, речь идет о девальвации духовных ценностей, составляющих «скелет» духовного мира человека и общества, тот язык, благодаря которому становится возможным диалог и согласие подавляющего большинства по тем или иным «острым» вопросам. Наличие такого языка позволяет говорить о моральном дискурсе, благодаря которому сокращается дистанция между должным и сущим, а мораль оказывается значимым регулятором практической жизни. Его отсутствие напротив, способствует разложению институционального строя, нарастающей дезорганизации социального поведения и упрощению сознания индивидов. Цена последнего (и это третья из затрагиваемых нами проблем) – аннигиляция личного начала, «сбивающая» общество в

«толпу» – совокупность социальных тел, объединенных эмоциональной привязанностью к вождю как носителю коллективного интеллекта и смыслообразующего начала. В мире толп вопросы морали если не отбрасываются как нечто обременительное, то получают несложное решение: нравственно, что приносит пользу «нам», безнравственно, что «нам» вредит. Исходный ракурс оценивания («Мы» и «они») показывает снижение уровня морального сознания до пещерного состояния, по сути, зоологического.

Причины, которые породили нынешнюю ситуацию, и возможные перспективы – предмет наших размышлений в данной статье.

Ситуация, в которой мы находимся, – результат действия двух групп факторов. Первая из них – общекультурная, связанная с трансформацией моральности, ее природы и социальных функций. Вторая – локальная, местная, порожденная спецификой русской культуры и особенностями исторического процесса в России нового и новейшего времени. Выбранный масштаб времени кажется завышенным, но дело в том, что анализ таких духовных формообразований, как мораль, предполагает обращение к культурной традиции, а это – долго действующий, протяженный во времени феномен, мера которого – не столетие даже, а эпоха.

Общекультурные причины трансформации моральности обусловлены движением на передний план феномена человека, время которого совпадает с такими событиями европейской истории, как завершение эпохи Просвещения, начало индустриализации и политических революций, коренным образом изменивших культуру, общество и человека. Именно с этого времени существует тип человека, обозначающий «порог нашей современности» [5, с.35]. Это индивид, способ существования которого – автономия. В ней осуществлен компромисс между естественными правами человека (его природой) и формами его жизни в гражданском состоянии, в границах цивилизации. Социальным условием действительности, устойчивости этого компромисса является дисциплина – усвоенная в процессе воспитания и образования способность индивида придерживаться Порядка, установленных границ в процессе осуществления естественных прав. Формула его свободы – познание необходимого. Соответственно, меняется и характер власти: деспотическое господство уступает место знанию-власти. Ее политической оболочкой являются институты представительной демократии, а массовидным носителем-атомом – личность как социально-нравственная структура, которая обуславливает активность, субъектность автономного индивида и горизонт его возможностей в социальном поле.

Дисциплина – онтологическая основа личности, порождающая у человека современного типа иллюзорное представление, согласно которому он (1) самостоятельно регулирует свои отношения с другими и с миром в целом и (2) исходит при этом из принципов морали. Так происходит расширение пространства моральной регуляции, при котором мораль трактуется как нечто гетерономное: она социально обусловлена и служит внешним по отношению к человеку целям, которые воплощаются в символическом ряду таких ценностно окрашенных понятий как Долг, Отечество, Порядок-Закон, Традиция. Нечто аналогичное открывает в это время и Фрейд. Он формулирует положение о изначальном и непреходящем конфликте между культурой и природой и о репрессивном характере культуры по отношению к природным влечениям человека. Мораль в условиях этого конфликта налагает на человека требования, которые в принципе неисполнимы, «неестественны» и допускает вместе с тем в качестве паллиатива возможность уклониться от них при условии их формального признания и соблюдения ряда условностей. Эту двойственность современной морали отметил Ницше, который дал ее систематическую критику с позиций этики [1, с.9] и завершил эту критику требованием переоценки ценностей, связав основания морали с религией. «Смерть Бога», которую он констатировал как установку современного сознания, – событие исторического масштаба, предполагающее, в частности, необходимость сверхчеловека.

В силу двойственного характера морали ее предписания получают характер социокультурных фикций. Это проявляется в том, что эти требования превращаются в условность, в исполнение ритуала. Ритуализация морали – уловка, которой пользуется современный человек, уклоняющийся от действия моральных норм. С нашей точки зрения, отмеченный критиками морали ее кризис не связан напрямую с основаниями морали, будь то дисциплина знания-власти (Фуко) или догматы религии (Ницше). Проведенный Камю анализ морального сознания в «Постороннем» показал, что корни проблемы – в другом, а именно, в гетерономном характере морали. Эта модель морали противоречит идее автономии индивида, что и порождает указанные тупики морального сознания. Решением этой проблемы может послужить идея автономной морали, которую предложил Кант. Важным выводом из кантовской концепции морали является положение о том, что автономный индивид в своем осуществлении свободы так или иначе обречен следовать принципам морали и что он свободен настолько, насколько способен им следовать. Что же касается «механизма природы» – внешней среды, в которой индивид воспроизводит биосоциальные параметры своего существования, то отношения по этому поводу не предполагают мораль-

ного регулирования и упорядочиваются в основном с помощью различных кодексов, а также обычаев и привычек, что иногда называют нравами – общепринятыми правилами социально-должного поведения или, говоря на языке Канта, условно-категорическим императивом.

Влияние общеевропейских тенденций на моральную ситуацию в современном российском обществе преломляется по двум причинам. Первая из них – те особенности становления русской культуры, которые определили запаздывающий характер усвоения западных образцов, перенесенных в иное время и пространство культуры, встроенных в иной культурный хронотоп. На обусловленность интерпретации заимствований в области морали культурным хронотопом указывал А. А. Гуссейнов [1, с. 4]. Пример такого заимствования – превращение европейской идеи естественных прав и автономии индивида в феномен «самства» – смесь своеволия и эгоизма, расцвет которого в XVIII веке описал дед Чаадаева М. М. Щербатов в книге «О повреждении нравов в России». «Грядущий Хам» Мережковского – русская версия «бунтующего человека» в эпоху восстания масс, две волны которого – (1) революции 1905 и 1917 годов и гражданская война и (2) перестройка и реформы 1986-1990-х годов – пережила Россия в XX веке. Вторая причина преломления западного влияния – характер власти в России. В условиях общеевропейской модернизации деспотическое господство сменилось суррогатом знания-власти, в структуре которой «знание» было замещено «идеологией», а дисциплина как онтологическая основа личности – систематическим насилием, которое осуществлялось в физической, социальной и символической формах. Соответственно, требование соблюдать естественные права и автономия индивида стало рассматриваться не только как антигосударственное, но и как антиобщественное выступление, которое подрывало основы советского мироустройства.

В этих условиях проблемным становится существование не только морали в кантовском смысле, но и гетерономной морали. Сохранение ее в виде казенного, формализованного набора норм (Кодекс строителя коммунизма как составная часть III программы КПСС 1961 года) было инициативой партийной и государственной верхушки, желавшей сохранить некое подобие духовной узды для управления социальным поведением масс. Общество же по большей части руководствовалось традиционной моралью, действенность которой резко убывала по мере урбанизации, а также обычаями и привычками, которые складывались на основе социальных техник выживания любой ценой.

Эти техники обеспечивали социально-биологическое выживание основной массы населения, причем не только социальных «низов», но и средних слоев и даже правящих «верхов». Нравственность (не путать с моралью) советской эпохи

делала излишней любую систему моральных принципов, сковывавших социальное поведение индивидов и потому воспринимавшихся ими как форма символического или даже социального насилия со стороны государства.

Нравственный опыт советского времени был актуализирован в 1990-х гг., в годы экономических и политических реформ, изменивших лицо общества. Преобразования коснулись теневого «ядра» советской нравственности – место социального страха с течением времени заняла установка на успех, измеряемый в «у.е.» и социальных статусах, обеспечивающих не просто признание, но возможность конвертировать этот статус в политический, административный или финансовый капитал.

Поэтому в современном обществе, на наш взгляд, отсутствует социальная, культурная и антропологическая почва для эффективного функционирования норм морали в любой ее версии. Ни влияние религии, ни система воспитания и образования не дадут желаемого результата без решения ключевой проблемы – восстановления автономии индивида, обеспечения прав и свобод человека и, главное, того порыва к свободе, который рождается и поддерживается обретением чувства человеческого достоинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. Вып. 1 / Под ред. А. А. Гусейнова. – М.: ИФ РАН, 2000. – С. 4-15. ISSN 2074-4897 (Online).
2. Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М.: ИФ РАН, 1995. – 211 с. ISBN 5-201-01889-0.
3. Мау В.А. Человеческий капитал: вызов для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114-132.
4. Мухаметшина Е. Упрощение строптивного // Ведомости. № 4264 от 16.02.2017.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 407 с. ISBN 5-85962-021-7.
6. Хоружий С.С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // Этика науки / Рос. акад. наук. Ин-т философии. Отв. ред. В. Н. Игнатъев. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 85-97. ISBN 978-9540-0079-5.